

И.Е. Каплан

«Соловьиный сад»

«Соловьиный сад» — одно из наиболее глубоких и художественно совершенных творений Блока. В этом произведении обобщены мотивы многих стихотворений («Земное сердце стынет вновь...», «Как свершилось, как случилось?...», «На разукрашенную елку...» и др.), в которых затрагивался вопрос о назначении писателя в жизни, о долге человека перед обществом.

Блок не любил хвалить свои стихи, но вот в 1915 году он внес в записную книжку такие строки:

14 октября — «Кончен вчерне «Соловьиный сад»

15 октября — «Бахвалился поэмой (Любе и маме — нравится)».

По всей вероятности, поэт был удовлетворен и мастерством исполнения, и содержанием произведения. Поэма — исповедь лирического героя, рассказ о его стремлении обрести покой и счастье в соловьином саду, о разочаровании и возвращении к прежней жизни труженика.

В первой главе воссоздана картина изнурительного труда каменотеса:

Я ломаю слоистые скалы
В час отлива на илистом дне,
И таскает осел мой усталый
Их куски на мохнатой спине.

Донесем до железной дороги,
Сложим в кучу, — и к морю опять...

Работа тяжка не только для человека, но и для животного. Ее монотонность, однообразие передано словами: *донесем... сложим... и к морю опять*. Все повторится не раз.

Не так уж много в русской поэзии произведений, в которых была бы такая разнообразная инструментовка стиха, как в поэме Блока. Обратимся к приведенной строфе. В ней чередуются:

c — ст — ск
c — ст ск — c — ст
ск — ст

Повторение согласных (с — ст — ск) как-то передает усталую поступь хозяина и осла.

В первой главе — завязка сюжета. Здесь начало искушения бедняка:

А у самой дороги — прохладный
И тенистый раскинулся сад¹.

Сад полон тайн и соблазнов. Там смеются и поют, напев песни волнует.

И, вникая в напев беспокойный,
Я гляжу, понукая осла,
Как на берег скалистый и знойный
Опускается синяя мгла.

¹ Первые строфы поэмы Блока в чем-то напоминают стихи Тютчева «Пошли, Господь, свою отраду...». В этом произведении — о незащищенности жизни одних и благе других:

Пошли, Господь, свою отраду
Тому, кто в летний жар и зной
Как бедный нищий мимо саду
Бредет по жаркой мостовой...

Инверсия слова *беспокойный*, ударное его положение придают ему особое значение. В строке «Как на берег скалистый и знойный» акцент сделан на эпитетах, которые противоположны определениям, характеризующим уют сада: *тенистый, прохладный*. Характерен для Блока эпитет *синяя* (мгла). Он повторится в поэме: *синий* (сумрак), *синяя* (мать). В ранних вещах этот цвет символизировал гармонию, «устремленность к добру и свету». В поэме эпитет обозначает таинственное, тревожное.

Вторая глава — о неприглядности и бесперспективности жизни труженика:

И чего в этой хижине тесной
Я, бедняк обездоленный, жду...

И все неотступней мысль о возможности иного существования, стремление уйти от проклятий жизни, мечта о «саде».

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот,
И она меня, легкая, манит
И круженьем, и пеньем зовет.

И в призывном круженьи и пеньи
Я забытое что-то ловлю.
И любить начинаю томленье,
Недоступность ограды люблю.

Образ женщины (*легкая*) зыбок. Ее влекущее очарование передано повторами отдельных слов, выражений, звуков, внутренней рифмой (*круженьи — пеньи*).

О музыкальности русского стиха писал Гоголь:

«Не знаю, в какой другой литературе показали стихотворцы такое бесконечное разнообразие оттенков звука. У каждого свой стих и свой звон».

Вот этот особенный «звон» ощутим в поэме «Соловьиный сад».

Строки «И в призывном круженьи и пеньи / Я забытое что-то ловлю» говорят о том, что лирический герой уже бывал в плену «соловьиного сада». Это подтвердится в следующей главе:

Сердце знает, что гостем желанным
Буду я в соловьином саду...

Нельзя быть желанным там, где тебя не знают.

В третьей главе вызревает желание порвать с обездоленным настоящим: «И томление всё безысходней». Однако принять решение непросто. Возникают сомнения:

Наказанье ли ждет, иль награда,
Если я уклонюсь от пути?

Трудно свыкнуться с мыслью, что «руке не вернуться к труду». И в то же время «прошлое кажется странным».

В «саду» лирический герой оказался желанным гостем. Все произошло праздничнее, чем рисовала его нищая мечта:

Опьяненный вином золотистым,
Золотым опаленный огнем,
Я забыл о пути каменистом,
О товарище бедном своем.

Радостное настроение передано музыкальным звучанием строк: *опьяненный — опаленный, золотистым — золотым; вином — огнем*. Внутренние рифмы делают строки мелодичными, усиливают конечные рифмы, а также выражают основную тональность строфы.

Однако «утонувшая в розах стена» может укрыть «от дольного горя» лишь временно (*дольный* — здесь: «земной»). В мир веселья, женской ласки неотступно вторгаются картины прошлого:

Вдруг — виденье: большая дорога
И усталая поступь осла...

В соловьином саду герой чувствует себя сиротливо. Праздность и нега не могут долго приносить ему радость. Душа поглощена иным — шумом отдаленного моря, криком «товарища бедного», и этот крик «проникал в... душу, как стон», не давал покоя. Прошлое все настойчивей напоминает о себе, как о чем-то утраченном. Как манило в прошлом пение в саду, так неудержимо влекут к себе голоса жизни. Возвращение стало потребностью. Прекрасное лицо спящей женщины не может удержать героя, и он уходит из плена любви, праздности в мир, достойный человека.

Седьмая глава — возвращение к знакомой дороге, где все так памятно и по-своему дорого: и камней очертание, и тощий куст, «и скала над водой...». Но путь оказался «кремнист и тяжел». Слово *кремнист* воскрешает в нашей памяти строки Лермонтова: «Выхожу один я на дорогу / Сквозь туман кремнистый путь блестит». Эта ассоциация обогащает наше восприятие мироощущения героя, его одиночества и неприкаянности. Герой оказался лишенным всего. Нет ни хижины, ни «товарища бедного», сохранился лишь ржавый лом, «затянувшийся мокрым песком...».

А с тропинки, протоптанной мною,
.....
Стал спускаться рабочий с киркою,
Погоня чужого осла.

Жизнь продолжается по своим суровым законам. А измена человеческому долгу трудиться неизбежно влечет за собой суровое наказание.

Поэма наполнена звуками, шумами окружающего мира. Раздаются крики осла, то жалобные, то протяжные; напев соловьиный, шепот листьев и ручья; смех, пение; звон запястья (*запястье* — здесь: «браслет»); рокот моря; шум прилива, мерные его удары; рычанье прибора. Слуховые впечатления во многом определяют настроение героя. Но после его возвращения окружающий мир оказался для него беззвучным, все как бы замерло.

Поэма «Соловьиный сад» во многом автобиографична; в ней поэт простался со своим романтическим прошлым. Как герой поэмы порывал с уютом «сада», так ее автор уходил из «сферы асоциального песнопенья» и шел навстречу подлинной жизни. Ведь только она — источник творчества.

В те же годы, когда шла работа над «Соловьиным садом», Блок создал такие стихотворные строки:

Да. Так диктует вдохновенье:
Моя свободная мечта
Все льнет туда, где униженье,
Где грязь, и мрак, и нищета...

Поэт должен быть там, где людям трудно. 6 мая 1914 года Блок писал Л. Дельмас:

«Искусство там, где ущерб, потеря, страданье, холод. Эта мысль стережет всегда и мучает всегда, кроме коротких минут...»

В поэме два пласта лексики. Один — разговорный, бытовой. Другой — романтической поэзии. Заметим, пласты эти не изолированы, а органически взаимодействуют. Разговорная лексика преимущественно встречается в главах, повествующих о жизни героя вне соловьиного сада. Слова же и выражения поэтического ряда — в главах о «саде».

Обратимся к первой главе. Здесь обнаружим слова и выражения бытовые: *таскает, мохнатая спина, волосатые ноги, сложим в кучу, идет налегке хоть назад, понукая осла*. И рядом слова и выражения иного плана: *отрадно, тенистый раскинулся сад, не смолка-*

ет напев соловьиный, шепчут ручьи и листья, напев беспокойный, берег скалистый и знойный, опускается синяя мгла.

В пятой же главе преимущественно такие выражения: *укрыла от дальнего горя, утонувшая в розах стена, песнь не вольна, вступившая в пенье тревога, рокот волн, во мгле благовонной и знойной, надыхаться блаженством, не может не слышать душа; слова: видение, поступь.* Слов разговорной речи в этой главе мало. В шестой главе наряду с поэтическими выражениями (*мглистый рассвет, пригрезился сон, сумраком чарым, лик прозрачный, окно голубое, очарованный сон, нарушил цветов забытье*) встречаются разговорные обороты: *неизвестно которого дня, сон про меня, я узнал, что подходит прилив, задернул полог, уцепились за платье.*

В чем же смысл взаимодействия этих разных стилистических пластов? Вторжение поэтического языка в описание жизни бедняка воздаст должное труду как долгу человека. Проникновение же разговорной лексики в повествование о «саде» во многом проясняет иносказательный характер поэмы. Да и само контрастное изображение двух миров (безрадостное существование каменотеса и праздная, полная веселья жизнь в саду) диктует отбор словаря, выразительных средств. В стилистическом полифонизме неповторимое своеобразие языка поэмы.

«Есть что-то совершенно потрясающее в... чтении великого поэта. Ты сталкиваешься не просто с интересным содержанием, а прежде всего — с языковой неизбежностью». (И. Бродский)

Отметим оригинальность блоковских образов, поэтических выражений: *опускается синяя мгла, день догорает бесследно, сумрак ночи ползет сквозь кусты, звенящий сад, закатный туман, томление все безысходней, взяли душу мою соловьи, убегающий в синюю муть, чуждый край незнакомого счастья, во мгле благовонной и знойной, мглистый рассвет, лик прозрачный, сумраком чарым, окно голубое* (у Блока — цвет изысканности), *нарушил цветов забытье* (в контексте — *дремота, сон*). Обратим внимание на значение слова *чарым*. Оно образовано от существительного *чары* (*волшебство, пленительность*). *Сумраком чарым* — «волшебным сумраком».

В образах поэмы нет ничего натянутого, сложного, требующего особых пояснений, однако некоторые из них неоднозначны. Соловьиный сад — символ красоты, любви, покоя. Антитеза ему — каждодневный труд каменотеса: слоистые скалы, каменистая дорога, хижина — это метафоры нелегкого пути человека-труженика. Рокот волн, шум прилива, рычанье прибоя, крик осла — все это символизирует жизнь с ее многоголосьем, суетой и треволениями.

В заключение несколько слов о композиции поэмы. В отдельных работах высказывалась мысль, что семь глав поэмы соответствуют семи дням недели. Герой, дескать, нарушил завет, данный человеку свыше: в поте лица добывать хлеб свой насущный. Поэтому он и был наказан. Заметим, поэма лишена назидательности. Да и ее сюжет не укладывается во временные рамки недели. Обратимся к тексту.

Каждый вечер в закатном тумане
Прохожу мимо этих ворот.

Сколько вечеров это длилось, ответить трудно. Неведомо также, как долго продолжалось пребывание героя в соловьином саду:

Я проснулся на мглистом рассвете
Неизвестно которого дня.

Возможно, пребывание в саду длилось недели и месяцы.

Каждая из глав — определенный этап жизни героя, его мироощущения. Первая глава — о безрадостной жизни бедняка; вторая — мечта об иной жизни; третья — раздумья о выборе пути; четвертая — в царстве «сада»; пятая — воспоминания о прошлом; шестая — бегство из мира сказки; седьмая — возвращение к пустынному берегу. Каждая из глав

имеет свою эмоциональную тональность, свою интонацию (повествовательную и разговорную; напевно-эмоциональную). Развитие сюжета динамично; духовный мир лирического героя изображен во всей сложности, порой противоречивости его переживаний, раздумий и решений.